

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 2

Сборник научных трудов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2013

А.С. Янушкевич

ВОСЕМЬ НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЕМ ЖУКОВСКОГО К ДЕТЯМ¹

Вероятно, требует комментария обозначение адресата в заглавии предлагаемой публикации. Как известно, собственные дети Жуковского появились довольно поздно и поэтому к его смерти дочери Александре было около 10 лет, а сыну Павлу всего лишь 7. Поэтому о письмах к ним, а тем более о переписке, если учесть, что они почти постоянно жили рядом с отцом, вряд ли можно говорить, хотя, как станет ясно из дальнейшего повествования, одно письмо Жуковского к дочери все-таки до нас дошло.

Речь идет о неизвестных письмах поэта к своим царственным воспитанникам – великим князьям Александру, Константину и Михаилу Николаевичам. В течение почти 25 лет, находясь при дворе, он занимался образованием и воспитанием царственных особ, и его письма к ним, как показано в специальной статье в данном сборнике, – это оригинальный и важный текст русской словесной культуры и общественной мысли. Однако до сих пор было неизвестно, как начиналась переписка Жуковского с его «официальным» воспитанником цесаревичем Александром Николаевичем, а также с его младшими братьями, образованием которых он специально не занимался, но считал их своими «молодыми друзьями», близкими духовно. Поэтому воспитанников он по праву считал своими духовными детьми.

<...> Дружба к вам, – писал Жуковский тринадцатилетнему великому князю Константину Николаевичу 16 декабря 1840 г., – весьма не далеко; разумеется, не та дружба, которую производит тесное товарищество жизни, а та, которая происходит от добрых свойств и от размена искреннего добрых мыслей и чувств»².

Семь писем Жуковского к юным великим князьям, в которых закладывались принципы их переписки, а также письмо поэта к дочери – органичная часть его педагогической деятельности на поприще воспитания в детях «добрых мыслей и чувств».

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 13-04-00141).

² С 7. Т. 6. С. 346.

Возраст адресатов – 8–11 лет (за исключением последнего письма к великому князю Михаилу Николаевичу), и Жуковский учитывает это. Но одновременно он пытается говорить с детьми о серьезных вещах. В первом письме к восьмилетнему цесаревичу он, расспрашивая его о прошедшей коронации, не забывает рассказать о деятельности Петра Великого и предостерегает от излишних амбиций. В письме к одиннадцатилетнему великому князю Константину Николаевичу, рассказывая о своих итальянских впечатлениях, он не забывает сказать о пользе истории и ее уроках. Благодаря девятилетнего великого князя Михаила Николаевича за его письмо, поэт приучает его к самосовершенствованию, к умению контролировать свое поведение.

Но, пожалуй, знаковым в этом отношении становится письмо к наследнику от февраля 1828 г., выросшее из дневниковой записи Жуковского. Это поистине урок будущему царю. Письмо превращается в трактат о последствиях дурных привычек, о необходимости постоянного самовоспитания и совершенствования души, об особой ответственности великого князя как сына Государя перед Богом. Та требовательность и серьезность, с которой наставник обращается к своему десятилетнему воспитаннику, – свидетельство почти отеческой заботы о его будущем.

Одним словом, обнаруженные в различных архивах письма Жуковского к своим юным друзьям (тем более что эти письма находятся у истоков их эпистолярного общения) представляют интерес прежде всего как феномен цареучительства и органическая часть общей педагогической системы поэта-наставника.

Известно, какое значение придавал Жуковский воспитанию и образованию собственных детей¹. В подробном письме к А.П. Зонтаг от 30 сентября (12 октября) 1850 г. он так повествует о своей обширной педагогической деятельности:

Теперь у меня начнется главное мое дело: учение детей, пока одной Саши. Учу ее по-русски и счету, который в то же время есть и практическая логика. Этот труд имеет для меня прелесть несказанную. Я составил особенного рода живописную азбуку, для которой сам нарисовал около 500 фигур, которая в одно время легким образом выучивает читать и писать и удерживать в памяти выученное. Теперь составляю *наглядную* (anschaulich) арифметику, таблицы и карты для священной

¹ Подробнее см.: *Добровольская Е.Б.* «Это педагогическая поэма». Жуковский – воспитатель своих детей // В.А. Жуковский и русская культура его времени: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 187–195.

истории и атлас всемирной истории по особенной методе, которая будет в своем роде нечто весьма оригинальное, практическое не для одних детей, но и для взрослых. Постараюсь кончить в Бадене часть древней истории этого атласа. Дай Бог жизни! Мой труд для моих детей, если Бог позволит кончить его, может со временем быть полезен и всем в домашнем воспитании; он обхватит систематически весь круг сведений, которые нужно иметь: мальчикам для вступления в гимназию, а девочкам для продолжения своего образования чтением и собственными занятиями¹.

Написанная по-русски, печатными буквами почти одновременно с этим письмом маленькая записочка к дочери свидетельствует, что уроки дали свои плоды: во всяком случае Саша Жуковская успешно овладевала русской грамотой.

1

Великому князю Александру Николаевичу

19 (31) августа 1826 г. Францбрунн (?)

Поздравляю вас, мой милый великий князь, с благополучным совершением коронавания Государя Императора¹. Я не мог быть вместе с вами, не мог вместе с вами радоваться, я от вас далеко, часто грущу по вас и жду нетерпеливо той минуты, когда опять вас увижу. Я уверен, что вы меня не забываете, и знаю от Карла Карловича², что вы учитесь и ведете себя хорошо. Это меня сердечно радует, ибо в этом ваше счастье. – Теперь вы видели Москву; вы видели, как добрый народ вас встретил. Это вас должно было порадовать. Этот народ уже любил вас как ребенка. Теперь еще вы ничем не заслужили любви его; он знает только, что вы сын его Государя и что вы даете надежду быть добрым и умным. Вам надобно исполнить эту надежду, и тогда вы будете достойны любви русского народа. Заслужить же ее можете только тогда, когда будете стараться быть добрым, и многому, многому выучиться, чтоб жить на свете с пользою для других. – Москва ваша родина. Я помню, как все обрадовались, когда узнали, что вы родились. Дай Бог, чтоб все радовались вашу *жизнью*, как вашим рождением. А вы помните одно: *в Москве родился Петр Великий*. Со временем вы узнаете, какой был это человек. В благодарность за его дела его назвали *великим*. Ведите себя хорошо, учитесь прилежно, со временем и вы заслужите благодарность.

¹ Уткинский сборник. М., 1904. С. 127–128.

Простите, мой милый, целую вас от всего сердца и желаю нетерпеливо вас увидеть. Помните меня и любите. Прошу за меня поцеловать ручки у ваших сестриц. Попросите Марию Николаевну, чтобы меня не забывала; а я об ней часто думаю и желаю поскорее возвратиться, чтобы опять начать с нею уроки: я уверен, что она учится прилежно и что Юлия Федоровна довольна ею так же, как вами Карл Карлович. Обнимите за меня Карла Карловича и поклонитесь вашим почтенным учителям Шамбо⁴ и Жиллю⁵. Прошу вас в письме своем описать мне Москву и ваше в ней пребывание. Простите. Прошу Бога, чтобы он сохранил вас своею милостию.

Вам душевно преданный
Жуковский.

19 (31) августа 1826

А в т о г р а ф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 51. Л. 1–2.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: 19 (31) августа 1826 г.

¹ Коронация Николая I в Кремле состоялась 22 августа (3 сентября) 1826 г. На ней был обнародован подписанный 28 января манифест о назначении в случае кончины императора правителем государства великого князя Михаила Павловича с опекунством над всеми детьми государя до их совершеннолетия.

² Имеется в виду воспитатель наследника К.К. Мердер (1788–1834), замещавший Жуковского во время его отсутствия.

³ Речь идет о Ю.Ф. Барановой (1789–1864), воспитательнице великих княжон.

⁴ Иван Павлович Шамбо (1783–1848), личный секретарь императрицы Александры Федоровны, обучавший наследника немецкому языку.

⁵ Флориан Антонович Жиль (1801–1865), директор Эрмитажной библиотеки, учитель французского языка и исторической географии.

2

Великому князю Александру Николаевичу

1 января 1827 г. Дрезден

Поздравляю вас с Новым годом, мой милый великий князь! Вспомнили ли вы обо мне в этот день? А я об вас думал и мысленно

был вместе с вами. Но я и всякий день об вас думаю и всякий день радуюсь мыслью, что Бог велел мне жить для вас, быть вашим товарищем, вашим другом, вашим помощником во всем добром. Это для меня счастье бесценное; но это почитаю счастьем только потому, что уверен, что вы исполните все наши на вас надежды: ибо до сих пор вы стараетесь вести себя так, что весело вас любить и для вас трудиться. То, что мне пишет об вас Карл Карлович, радует меня и еще более к вам привязывает. Продолжайте, любезнейший друг, быть таким же добрым, каким были до сих пор; старайтесь быть час от часу лучше. Вы будете любимы и со временем живо почувствуете, какое счастье быть любимым и стоять любви. Через несколько (времени) месяцев увидимся¹. Я жду этого времени с большим нетерпением и буду очень счастлив, когда опять буду с вами, когда мы опять начнем вместе трудиться весело, прилежно без принуждения. Без труда нет удовольствия. – Скажу вам, что мое здоровье очень поправилось, надеюсь, что возвращусь к вам совершенно здоровым.

Тогда все минуты мои будут посвящены вам. И теперь работаю для вас², но мы розно. Тогда будем вместе, и я уверен, что нам будет очень весело. Простите. Прошу вас за меня поцеловать ручки у ваших сестриц. Скажите мое почтение Юлии Федоровне³ и хорошенько обнимите Карла Карловича⁴.

Ваш верный Жуковский.

Дрезден
1827 Генварь 1

А в т о г р а ф неизвестен.
К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 51. Л. 2–2 об.
П у б л и к у е т с я впервые.
Д а т и р у е т с я: 1 января 1827 г. н. ст.

¹ В Петербург Жуковский возвратился лишь в середине октября 1827 г.

² В Дрездене Жуковский интенсивно готовился к занятиям с наследником, уделяя особое внимание составлению подробного плана его обучения и работе над историческими таблицами, а также формированию его библиотеки.

³ Имеется в виду Ю.Ф. Баранова (см. выше).

⁴ Речь идет о воспитателе наследника К.К. Мердере (см. выше).

Великому князю Александру Николаевичу
Около 24 февраля 1828 г. Петербург

Чтобы вчерашний разговор наш не изгладился из вашей памяти, мой милый великий князь, выписываю вам то, что я написал в журнале своем о случившемся с вами несчастии¹.

24 февраля 1828. То, что случилось нынче с великим князем, может назваться истинным несчастием, ибо он заслужил наказание. Он навлек на себя гнев Государя не просто дурным поступком, но вместе и дурным качеством, которое, если не истребить его заранее, может обратиться в порок, губительный для самого великого князя, вместе с ним для его отечества и постыдный для истории, которая узнает об нем и запишет его для потомства.

Государь спросил у великого Князя: как он учился? – Не очень хорошо! – был ответ в<еликого> князя. Государь спросил о том же у Паткуля² и получил тот же ответ. Великий князь, не слыхав этого ответа, хотел уведомить об этом же Государя; однако удержался. Но Государь угадал, что хотел сделать в<еликий> к<нязь>, и строго наказал его за это такое намерение, не достойное благородного сердца.

Если бы это был один проступок, происходящий, или от ошибки или от минутного дурного расположения, которое можно скоро победить, то наказание *все бы загладило совершенно* и Государю было бы легко простить великого князя, ибо легко бы можно было поверить, что великий князь не впадет впредь в такой проступок, за который был наказан.

Но здесь совсем другое: в<еликий> князь был наказан не за проступок, а за *намерение*, происходящее от *такого качества*, которое *есть* в его сердце и которое в нем останется навсегда, если теперь не употреблено будет всех усилий, чтобы это качество уничтожить. Государь не может с ним помириться до тех пор, пока это качество в сердце его останется. Государь может теперь только *поверить* ему, если он даст слово, что будет стараться истребить это качество, но не может начать его любить, как любил прежде до тех пор, пока не увидит на деле, что он старается исполнить данное слово, и тогда только может начать уважать его, когда это данное слово будет исполнено совершенно.

Что же должен делать великий князь, чтобы возратить прежнюю любовь Государя и наконец заслужить его уважение?

1^е. Великий князь должен принять не только с покорностью, но и с благодарностью к Богу то несчастье, которое с ним случилось. Без сего несчастья он может быть долго не узнал бы того вредного качества, которое в нем таится и которое может сделаться со временем ужасным пороком. То, что случилось, доказывает ясно, что Бог хранит великого князя и что он хочет, чтобы душа его была прекрасна, ибо Он открыл отцу порок его сына: этот гнев Государя, это заслуженное наказание есть голос Божий, который говорит ему: *исправь себя! Будь достоин любви земного отца своего, чтобы заслужить любовь отца небесного.*

2^е. Великий князь должен хорошенько понять, в чем состоит то дурное качество, которое навлекло на него гнев Государя. Вот в чем: великий князь, имев намерение объявить Государю, что Паткуль так же дурно учился, как он, доказал тем, что он способен *желать другому зла* и что он *огорчился* бы, когда бы другой получил похвалу в то время, когда он получил неодобрение. Великий князь, радуясь во время уроков, когда Паткуль отвечает хуже его, и рассчитывая, сколько дурных отметок стоит в журнале Паткуля, доказывает тем, что он способен желать, чтобы другой был хуже его и следовательно способен огорчиться, когда другой будет лучше его. *Это называется зависть.* Свойство самое ненавистное и презрительное. Кто истинно добр, тот радуется добру и в других. Без этого нельзя и быть добрым, ибо как можно любить в себе то, чего в других не любишь. Чужое добро не уменьшает нашего! А радоваться чужим добром – значит увеличить собственное! Не радоваться чужим добром значит терять свое или совсем не иметь его.

3^е. Великий князь, узнав, что имеет несчастное расположение к зависти, должен употребить все усилия, чтобы искоренить его, пока еще время. Он плакал горько от наказания, но эти слезы ничего не исправляют. Надобно плакать не о наказании, а о том, что было его причиной. И ничто не будет исправлено, пока будет существовать эта причина, то есть то дурное качество, которое навлекло гнев Государя и которое истребится не в одну минуту, а только тогда, когда великий князь будет постоянно примечать за собою и будет побеждать дурное чувство в ту самую минуту, в которую оно родится. Чтобы иметь это постоянство, он должен помнить, что им одним может возратить прежнюю любовь Государя. Чтобы иметь должную для того силу, он должен помнить, что у него есть два верных свидетеля и помощника, которые со всем добром его поддержат.

Один, друг небесный, который все сам видит и пред которым все наши душевные движения открыты; а другой, друг земной, пред которым надобно ему самому открывать всякое дурное движение и чувство, чтобы он своею помощью от него избавил. Когда мы больны, мы призываем лекаря, к которому имеем доверенность; но этот лекарь тогда только нам поможет, когда мы будем рассказывать ему болезнь свою и будем с доверенностью принимать его лекарства. В душе великого князя есть теперь болезнь; но у него есть и добрый лекарь; который вылечит его, если он сам будет рассказывать ему о всех действиях своей душевной болезни. Нет ничего целительнее искренности с добрым другом.

Если великий князь не станет наблюдать за собою и не искоренит вовремя своего дурного качества, то оно обратится в порок и вот какие будут следствия: теперь у него только один товарищ, и товарищ добрый, Паткуль, с которым он должен все делить в ребячестве: и труд и удовольствие! Если он не будет любить его, то лишит себя счастья дружбы. Но может ли он его любить, если не будет радоваться тем добром, которое он имеет, и если всего доброго будет желать только себе? И если он привыкнет быть таким с одним товарищем, то будет со временем таков и для всех других. Каково же не любить других за то, что есть в них хорошего? Кого же тогда любить? Тех кто дурен? Следовательно, добровольно отказаться от общества добрых? А дурных любить нельзя! Итак не любить никого? На что же жить?

Чтобы жить как должно, надобно помнить только, что наша здешняя жизнь не есть настоящая жизнь, а только *приготовление к настоящей*, что мы живем здесь только для души нашей, что все, что не делает душу лучшею, исчезает, что одно то, что делает душу лучшею, наше и вечно.

В этом отношении люди равны, ибо все дети одного Бога, который видит одну их душу, хотя и посылает судьбу не одинакую. Если великий князь думает, что он *должен* быть лучше других, что никто *не должен быть* лучше его потому только, что он сын Государя, то он ошибается. Бог назначил ему судьбу высокую на земле, но этим отличил он его только в здешнем свете на немногие годы, то есть дал ему на земле только не те способы сделаться достойным любви своей, какие дал другим; но любовь Божия для всех одинакова, несмотря на различие способов заслужить ее, так же как для всех одно бессмертие. Для этой любви мы здесь живем, для этого

бессмертия мы себя здесь готовим, всякой по-своему, одни будучи Государем, другие будучи просто частным человеком. Разница только в том, что Государю труднее, ибо он за большее отвечать будет; зато он и более иметь будет способов творить угодное Богу. Чтобы подумать, как ничтожна земная жизнь, надобно только взглянуть на мертвое тело нашей добродетельной княгини Ливен³. 80 лет жизни! Где они? Все теперь как один миг! Но в то же время, чтобы подумать, как прекрасна жизнь души, надобно вспомнить как она жила и прошло ли это, как годы жизни! нет! Все, что было прекрасного в ее душе, все теперь с нею и навеки.

А в т о г р а ф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 51. Л. 3–6 об.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: около 24 февраля 1828 г.

¹ Ср. текст дневниковой записи от 24 февраля 1828 г. (ПССиП. Т. 13. С. 299–301).

² Александр Владимирович Паткуль (1817–1877), сверстник наследника, обучавшийся вместе с ним; впоследствии государственный и военный деятель.

³ Шарлотта Карловна Ливен, урожд. фон Поссе (1743–1828), баронесса, статс-дама, воспитательница дочерей Павла I.

4

Великому князю Константину Николаевичу

10 (22) декабря 1838 г. Рим

Благодарю вас, мой милый Константин Николаевич, за ваше любезное письмо, которое, не знаю как, я получил по почте из Венеции. Оно нашло меня во Флоренции. Видите ли как мы теперь далеко друг от друга? Впрочем, можно сказать, что мы и близко друг от друга. Я теперь вижу глазами развалины того Рима, который перед вашим воображением: Вы пишете ко мне, что уже кончили первую сирийскую войну в истории римской и что история эта вас очень занимает. Итак, вам известны теперь почти все времена республики римской. От этих времен весьма не много памятников находится в том Риме, который у меня перед глазами: главные развалины, кото-

рые здесь видимы, принадлежат к временам позднейшим; первые же времена сохранились в одних только именах и весьма немногих, незначительных остатках: например, *Via Appia*, *Sloaqua Maxima*. Но памятники веков империи – какие огромные. Со временем и вы их увидите! Колизей, Пантеон, остатки дворца кесарей. На все это я смотрю с живым наслаждением и точно! нет живее наслаждения как видеть предмет или возбуждающий великое воспоминание, или свидетельствующий о великости души человеческой. Я уверен, что это для вас понятно; впрочем, на все вам даст самое лучшее объяснение Федор Петрович¹, которого прошу вас дружески обнять за меня; прошу вас поклониться от меня г.г. Гримму² и Озерову³. Продолжайте не забывать меня. Минута, в которую позволит Бог опять вас увидеть, будет для меня счастливою несказанно.

Всем сердцем преданный Вашему Высочеству
Жуковский

10 (22) декабря 1838
Рим.

А в т о г р а ф: РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. № 359. Л. 1–2.
П у б л и к у е т с я впервые.
Д а т и р у е т с я: 10 (22) декабря 1838 г.

¹ Имеется в виду Федор Петрович Литке (1797–1882), адмирал, путешественник, воспитатель великого князя Константина Николаевича.

² Речь идет об Августе Федоровиче Гримме (1806–1878), немецком педагоге, воспитателе детей Николая I, на русской службе с 1827 г.

³ По всей вероятности, имеется в виду шталмейстер Иван Петрович Озеров (1773–1843).

5

Великому князю Михаилу Николаевичу
28 декабря 1841 г. (9 января 1842 г.) Дюссельдорф

Благодарю Ваше Высочество за Ваше милое письмо и за доброе обо мне воспоминание, которое мне весьма дорого. Прошу Вас принять от меня сердечное поздравление с Новым годом. Надеюсь, что Вы встретите его весело и что он принесет Вам с собою много добра

истинного и что, оканчивая его, Вы с удовольствием скажете: в этом году я утвердился в добрых качествах, исправил некоторые дурные и хорошо воспользовался своим временем. Прошу Вас в конце 1842 написать мне эти три фразы, спросясь с своею совестью. Мне будет большая радость найти их в письме Вашем.

Жаль мне очень, что накануне Рождества не могло быть у Вас праздника; я здесь слышал, что Шамбо занемог в это время, что подарки не были куплены и что праздник надобно было отложить. Так ли?

Прощайте, мой милый великий князь. Прошу Вас не забывать
Сердечно преданного Вам
Жуковского.

28 декабря 1841.
Дюссельдорф.

А в т о г р а ф: ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 649. Оп. 1. № 327. Л. 2.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: 28 декабря 1841 г.

6

Великому князю Михаилу Николаевичу

7 (19) ноября 1842 г. Дюссельдорф

Благодарю Ваше Высочество за драгоценный подарок¹: я получил его в благое время и радуюсь им вдвое, потому что он будет для меня двойным памятником и вашей любви и счастливейшего события в моей жизни, рождения дочери²; рекомендую вам ее. Она еще пока не умеет и смотреть на ваш портрет, зато со временем будет уметь любить оригинал. Я уверен, что вы со мною порадуетесь и обрадуете меня несколькими строчками в ответ на это письмо.

Ваш Жуковский.

1842. 7 (19) ноября

А в т о г р а ф: ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. № 327. Л. 4.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: 7 (19) ноября 1842 г.

¹ Имеется в виду портрет великого князя Михаила Николаевича работы Франца Крюгера.

² Дочь Жуковского Александра Васильевна родилась 30 октября 1842 г.

7

Великому князю Михаилу Николаевичу

15 (27) октября 1851 г. Баден-Баден

Представляя Вашему Императорскому Высочеству экземпляр нового издания моих сочинений¹, прошу Вас его принять в знак моей искренней к Вам привязанности, которая навсегда останется неизменною в моем сердце. Я надеялся лично иметь счастье поднести Вам мою книгу, но почти накануне дня, назначенного для моего отъезда, напала на меня глазная болезнь – и вот уже более 3-х месяцев, как я не выхожу из моей горницы. Помогите мне Бог не слепым возвратиться весною в отечество.

Благослови Бог Вас и все царское семейство.

Вашего Императорского Высочества

покорнейший слуга

В. Жуковский.

15 (27) октября 1851 года.

Баден-Баден.

А в т о г р а ф: ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. № 327. Л. 5 – рукою камердинера В. Кальянова под диктовку Жуковского и с его подписью.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: 15 (27) октября 1851 г.

¹ Имеется в виду последнее прижизненное 5-е издание сочинений Жуковского: Стихотворения Василия Жуковского. 5-е изд., исправленное и умноженное. Т. 1–9. СПб., 1849.

8

А.В. Жуковской

28 сентября (10 октября) 1851 г. Баден-Баден

10 октября 1851

Баден.

Милая Саша. Целую тебя, мой дружок, 1000 раз. Я очень радуюсь, что скоро вас увижу: мне без вас пусто и грустно. Как будет весело, когда вы будете со мною. Прости. Бог с вами.

Твой папа.

Ф о т о к о п и я: РГАЛИ. Ф. 2837 (А.И. Дейч). Оп. 1. № 2372. Л. 13 об. Из архива М.А. Янушевской. Печатными буквами на л. 14 (на клочке конверта): *Александр Васильевне Жуковской*. Сам текст письма карандашом, тоже печатными буквами. Печатается с разрешения Е.К. Дейч-Малкиной.

П у б л и к у е т с я впервые.

Д а т и р у е т с я: 28 сентября (10 октября) 1851 г.

В письме от 5 мая 1980 г. к Е.К. Дейч-Малкиной из Парижа Мария Алексеевна Янушевская пишет: «Вот и фотокопия письма прадедушки: увы, с трудом можно разобрать, ведь карандашом было написано, направо обращение на клочке конверта!» (РГАЛИ. Ф. 2837. Оп. 1. № 2372. Л. 5).